

Научная статья

УДК 1(091)

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-504-10-88-96

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ПАМЯТИ И ПОНЯТИЕ ДИСКУРСА В РАБОТАХ М. ФУКО КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ИДЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ М. ХАЛЬБВАКСА

Екатерина Игоревна Васильева

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Москва, 1142230205@pfur.ru,
promahova_k@mail.ru, 0009-0009-3744-8291

Аннотация. Рассматриваются механизмы влияния социальной философии Мориса Хальбвакса на формирование теории дискурса Мишеля Фуко: анализируются теоретическая преемственность концепции «коллективной памяти» и понятия «социальной рамки». Предметом исследования выступает социальный детерминизм человеческой памяти в работах М. Хальбвакса и М. Фуко. Особое внимание уделяется роли языка в процессе формирования отношений индивида к окружающей реальности и конструированию коллективных представлений о прошлом. Автор демонстрирует переход от предложенной Хальбваксом модели рассмотрения языка с позиции внешнего социального конструкта памяти, средства поддержания социальной солидарности и идентичности к фукоанской трактовке дискурса как поля борьбы за производство истины. Предложенная Фуко концепция «дисциплинарной власти» рассматривается в качестве внешнего социального пространства, влияющего на формирование и деформирование процесса реконструкции воспоминаний. В современной области исследований *memory studies* проблема зависимости человеческой памяти от социальных и политических факторов становится ключом к пониманию механизмов конструирования коллективного прошлого. Научная новизна работы состоит в демонстрации влияния философской мысли Хальбвакса на формирование идей французского постмодернизма в работах Фуко.

Ключевые слова: коллективная память, историческая память, социальные рамки памяти, коллективная идентичность, *memory studies*, дискурс, дисциплинарная власть

Для цитирования: Васильева Е. И. Социальная природа памяти и понятие дискурса в работах М. Фуко как продолжение идей социальной философии М. Хальбвакса // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 10 (504). С. 88–96. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-504-10-88-96.

Original article

THE SOCIAL NATURE OF MEMORY AND THE CONCEPT OF DISCOURSE IN THE WORKS OF M. FOUCAULT AS A CONTINUATION OF THE IDEAS OF M. HALBWACHS' SOCIAL PHILOSOPHY

Ekaterina I. Vasileva

RUDN University, Moscow, 1142230205@pfur.ru, promahova_k@mail.ru, 0009-0009-3744-8291

Abstract. The article examines the mechanisms of the influence of Maurice Halbwachs' social philosophy on the formation of Michel Foucault's theory of discourse: the theoretical continuity of the concept of "collective memory" and the concept of "social framework" is analyzed. The subject of the study is the social determinism of human memory in the works of M. Halbwachs and M. Foucault. Special attention is paid to the role of language in the process of forming an individual's relationship to the surrounding reality and constructing collective ideas about the past. The author demonstrates the transition from Halbwachs' model of considering language from the perspective of an external social construct of memory, a means of maintaining social solidarity and identity, to the Foucault's interpretation of discourse as a field of struggle for the production of truth. Foucault's concept of "disciplinary authority" is considered as an external social space that influences the formation and deformation of the process of memory reconstruction. In the modern field of memory studies, the problem of the dependence of human memory on social and political factors is becoming the key to understanding the mechanisms of constructing the collective

past. The scientific novelty of the work is to demonstrate the influence of Halbwachs' philosophical thought on the formation of French postmodernism ideas in Foucault's works.

Keywords: collective memory, historical memory, social frameworks of memory, collective identity, memory studies, discourse, disciplinary authority

For citation: Vasileva EI. The Social Nature of Memory and the Concept of Discourse in the Works of M. Foucault as a Continuation of the Ideas of M. Halbwachs' Social Philosophy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(10(504):88-96. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-504-10-88-96.

Введение

К концу 1980-х гг. внутри европейского научного сообщества образуется новая область знания — memory studies, формирование которой в качестве самостоятельной дисциплины стало ответом на катастрофический опыт XX в. Главные события второй половины эпохи: Вторая мировая война, Холокост, атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, крушение колониальной системы поставили под сомнение саму возможность непредвзятого исторического нарратива. Память коллективов, переживших трагедию своего народа, придавала эмоциональный окрас историческим фактам, формируя отношение к ним. Один и тот же исторический период воспринимался через призму диаметрально противоположных мнений, а проблема объективности исторического знания привела к пересмотру классических представлений об истории-истине в целом [5, с. 122].

Методологические принципы memory studies сместили акцент с позитивистской стратегии воспроизведения исторических фактов на критический анализ механизмов реконструкции прошлого. Предметом исследований стала человеческая память, как следствие, ее социальный детерминизм и политическая ангажированность. Благодаря междисциплинарному подходу в изучении феномена памяти произошло переосмысление данного понятия: от психического процесса запечатления, сохранения и воспроизведения опыта до социального явления, активного процесса реконструкции прошлого в настоящем, находящегося в прямой зависимости от внешних факторов окружающей реальности. Исследования французского философа и социолога Мориса Хальбвакса в области социальной природы памяти в данной связи задают вектор развития междисциплинарного поля memory studies, а предложенная им концепция коллективной памяти ложится в основу современного понимания мнемонических процессов в качестве социально обусловленных практик. Главный тезис социальной философии Хальбвакса — человеческая память о прошлом формируется и деформируется под воздействием социальных

рамок, то есть внешних факторов окружающего мира, которые структурируют и оформляют не только воспоминания о прошлом, но и саму мысль [6, с. 44]. Принимая участие в формировании исторического знания, память оказывается подвижным инструментом воспроизведения субъективных мнений по причине собственной гибкости, степень которой определяется прямой зависимостью от актуальных политических, социальных и культурных аспектов. Воздействие на память со стороны внешней социальной реальности становится одним из главных механизмов контроля масс. В стремлении к структурированию событий прошлого и их одноплановому восприятию со стороны граждан определенного государства для их последующей консолидации властвующий субъект способен намеренно искажать и видоизменять информацию. При этом сам процесс забвения начинается в настоящем, как следствие, деформируя ранее имевшийся ассоциативный ряд, существование которого обусловлено природой самой памяти, использующей ассоциации для более долговечного фиксирования событий прошлого. Удаление, искажение, смещение фокуса внимания с конкретного элемента ассоциативного ряда влечет за собой нарушение уже сформированной и выстроенной цепочки воспоминаний, запуская процесс забвения. Методы влияния власти на человеческую память в своих работах описывал французский философ и историк середины XX в. Мишель Фуко, чья основная задача в рамках данного исследования заключалась в демонстрации прямой зависимости знания от действующего аппарата власти. Саму память Фуко рассматривает в качестве поля борьбы доминирующих нарративов, где власть, исходя из собственных политических интересов, действует в ущерб истинному знанию. В данной связи интересным видится рассмотрение механизмов влияния социальной философии М. Хальбвакса, в частности, его концепции «коллективной памяти», на формирование идей М. Фуко о роли памяти и дискурсивных практик в процессе конструирования социальной реальности. Предложенная Хальбваксом концепция «коллективной памяти»

в его знаменитой монографии 1925 г. «Социальные рамки памяти» утверждала невозможность существования обособленного от внешнего социального пространства воспоминания о событиях прошлого, тем самым подвергая сомнению существование индивидуальной памяти [7, с. 128]. Фуко в своих работах напрямую не ссылается на исследования Хальбвакса, но в то же время продолжает развивать тезис о внешнем воздействии социальной среды на память и историю, обозначая влияние философской мысли Хальбвакса на формирование идей эпохи постмодернизма.

Социальная природа памяти

В философии Хальбвакса детерминизм человеческой памяти обусловлен социальной природой самого человека, поэтому все психические процессы, происходящие с индивидом, следует рассматривать через призму социального пространства, внутри которого человек рождается и осуществляет свою жизнедеятельность. Междисциплинарный подход в исследовании памяти видится Хальбваксу наиболее удачным, поскольку многие аспекты явления по-разному раскрываются в области социологии и психологии, что позволяет преодолеть узкоспециализированную направленность исследований и сосредоточиться на комплексном подходе в изучении проблемы. Одной из проблем коллективной памяти является ее подвижность и изменчивость: можем ли мы говорить об истине в контексте прошлого, если воспоминания трансформируются под влиянием множества факторов? В данном вопросе Хальбвакс апеллирует следующим тезисом: человек от рождения не свободен от социальных рамок, заложником которых он становится априори. Первичными рамками будут выступать язык, на котором ребенок учится говорить, семья, члены которой будут выстраивать взаимоотношения с ним, культурная идентичность его народа, которая будет задавать жизни определенный сценарий, и традиция, в соответствии с которой он будет воспитан. Первичные рамки памяти — данность, с которой приходится мириться, подстраиваясь, а также «включаться» в нее. Язык, в качестве минимальной рамки памяти, становится материей самой мысли, призмой, через которую ребенок будет знакомиться с окружающей его средой, объяснять события и явления материально мира [4, с. 15]. В процессе воспроизведения человеческих воспоминаний язык становится методом превнесения прошлого в настоящее, его

формой и границей в моменте реконструкции. В зависимости от выбранного набора языковых конвенций воспоминание приобретает определенную форму, которая отражает его содержание. Помимо искажения самой сути события язык способен придавать эмоциональный окрас воспоминанию и отражать личное отношение познающего субъекта в процессе обмена воспоминаниями с другими людьми, наделяя его позитивным или негативным окрасом. Объективизация прошлого через память конкретного индивида в данной связи невозможна, однако Хальбвакс призывает исследовать прошлое через память коллектива, где плюрализм мнений и отношений способен охватить область исторического события, преодолевая ограниченность индивидуального восприятия.

Коллективная память представляет собой внешнее пространство памяти, совокупность воспоминаний, разделяемых и конструируемых членами конкретного сообщества, в котором память формируется и деформируется в процессе коммуникации. В межсубъективном пространстве реконструкция прошлого рождает не столько объективную, сколько легитимную версию событий, отвечающую нуждам коллектива в настоящий момент времени. В процессе реконструкции прошлого индивид вспоминает не изолированно, а мысленно апеллирует к коллективу, его нарративам и общепринятому отношению к историческим событиям. Благодаря плотному взаимодействию индивидуальной и коллективной памяти личный опыт переосмысливается в рамках общепринятых норм, ценностей и морали, установленных внутри коллектива. Так происходит фильтрация информации при попытке ее интегрирования во внешнее социальное пространство памяти: воспоминания проходят внутреннее цензурирование по уже существующим внутри коллектива рамкам памяти для последующего поддержания его идентичности и сплоченности представителей сообщества. Данный процесс объясняет наличие диаметрально противоположных мнений у представителей разных народов в отношении одного и того же исторического события. Коллективная память выступает инструментом поддержания идентичности общества и групповой солидарности, актуализируя реакцию предыдущих поколений на события минувших дней, тем самым обеспечивая преемственность коллективного «Мы». Жизнеспособность коллективной памяти обусловлена своевременной ретрансляцией воспоминаний в рамках воспитательного и об-

разовательного процесса, однако долговечность коллективной памяти полностью зависит от представителей коллектива — группы индивидов [1, с. 65]. На момент окончания жизнедеятельности представителей сообщества забвение становится не только логическим исходом для коллективной памяти, но и импульсом к ее трансформации в историческую память, которая раскрывает прошлое через обособленные, зачастую обезличенные факты. Коллективная память принадлежит ее носителям, историческая память существует в качестве открытого информационного пространства, доступного для интерпретации и осмысления каждым. Отправной точкой в индивидуальном осмыслении прошлого в рамках исторической памяти будет являться информация, сохраненная в материальном носителе, там, где она не сможет самостоятельно претерпеть изменения. Материальными носителями памяти будут являться рукописи, печатные тексты, монументы, памятники, архитектурные постройки — объекты, способные переносить на себе сквозь время смысл и историю. Несмотря на долговечность материи-носителя, индивид сохраняет возможность субъективной интерпретации знания, что также не защищает память от попыток внешнего вмешательства в изначально заложенный смысл и его последующее видоизменение. В данной связи интересным является и то, какие именно смыслы и знания закладываются в материальный носитель: уцелевшие древние артефакты прошлого представляют лишь малую часть культурного наследия, а сохранившиеся писания и тексты, шедевры искусства, то, что человек стремился осознанно сохранить от катаклизмов и войн эпохи, есть целенаправленно отобранные знания, социально санкционированные и принятые обществом того времени. Формируя наследие для последующих поколений в настоящем, социум отбирает наиболее значимые исследования и творения столетия, стараясь в более доступном и понятном виде поместить их в материальный носитель памяти для того, чтобы сохранить нужный посыл. Таким образом, коллективы прошлого через материальные носители памяти задают социальные рамки для современной интерпретации смыслов прошлого, в то время как нынешнее поколение создает новые смыслы для потомков. Отсюда следует, что память — живой процесс, проходящий сквозь время диалог между прошлым и настоящим, который реализуется через непрерывное взаимодействие между унаследованными артефактами и ныне суще-

ствующими методами интерпретации прошлого, актуальными познавательными стратегиями и ценностными установками нового поколения [4, с. 169]. И если для Хальбвакса память является инструментом сплочения поколений, способом сохранения и поддержания групповой идентичности, то для Фуко память — инструмент власти, подчиняющий сознание своей воле и задающий вектор развития общества.

Дискурс как социальная рамка памяти

В своем трактате «Археология знания» 1969 г. Фуко предлагает новую методологию исследований философского и культурного знания о прошлом посредством обращения к практике дискурсивных игр. История содержит документальную материальность, следовательно, формирует различного рода остаточности, которые способен фиксировать современный человек [10, с. 42]. Остаточности принадлежат высказываниям в историческом контексте, а их исследование возможно посредством речевых практик — дискурсов, которые сохранились в письменной традиции. Человек в данной системе находится на пересечении различных исторических дискурсов, в связи с чем лишается своей автономии и единства: его мышление и память о прошлом определяются через различного рода внешние социальные факторы (в том числе и язык), которые способны видоизменять его индивидуальное сознание, память, а также влиять на его отношение к прошлому. В философской мысли Фуко понятие дискурса охватывает всё то, что когда-либо было высказано или произнесено человеком, таким образом, дискурс становится неразрывно соотносимым с человеческой речью, языком, устной, письменной традицией и лингвистикой в целом. Дискурс рассматривается Фуко априори через призму лингвистики, в том числе и через языковые конвенции. Признаком дискурса в данном контексте можно назвать его субстанциональность и протяженность: он находится в движении, а его границы размыты и не всегда явно выражены. Схожую ситуацию можно заметить, говоря о языке, как о протяженном процессе описания мира, который также видоизменяется в условиях развития социальной среды и является самой формой жизни для человека, представляя уровень первичного структурирования и упорядочивания реальности. Такого рода фундамент выполняет функцию категоризации опыта, закладывая базовые паттерны, которые впоследствии получают развитие в формализованных системах знания

и социально-культурных механизмах, включая системы рационального осмысления окружающей действительности. Дискурс и язык не просто описывают мир, но и формируют правила его восприятия, задавая при этом рамки, определяющие то, каким образом и, что самое главное, о чем человек может думать и говорить. Так задаются интеллектуальные границы эпохи, определяющие, какие идеи и воспоминания могут быть допустимы в условиях развития нынешнего социокультурного пространства. В данной связи важно отметить, что язык и дискурс существуют вне индивидуальных представлений человека, хотя и являются продуктом человеческой деятельности. Индивид рождается в сформированном языковом и смысловом пространстве, которое не только предлагает готовые средства для самовыражения, но и определяет степень значимости уже существующего пласта информации, задавая вектор развития человеческой мысли. Речь служит инструментом освоения действительности, а речевые практики методом «обговаривания» окружающего мира, в то же время задавая нормы для самого процесса «обговаривания», формируя правила речи, как следствие, соответствующие мыслительные конструкции [8, с. 94]. Дискурсы создают «пространство мысли» — набор допустимых интеллектуальных операций и категорий, через которые человек воспринимает мир. В этом смысле язык становится не просто инструментом описания действительности, но механизмом производства истины — социально признанных значений и интерпретаций. Язык — не только способ коммуникации, а метод борьбы властвующего субъекта за истину и возможность ее трансляции на широкую публику. И Хальбвакс, и Фуко рассматривают язык в качестве первичной формы структурирования и упорядочивания реальности, которая не только описывает мир, задавая определенные границы для познающего субъекта, но и активно видоизменяет реальность через субъективное восприятие индивида, использующего язык для выражения собственного отношения к тем или иным существующим явлениям. У Хальбвакса язык осуществляет свою функцию в качестве социальной рамки памяти, обеспечивающей возможность реконструкции воспоминаний коллектива для поддержания и укрепления групповой идентичности. Коммуникативная функция языка обеспечивает связь поколений, создавая непрерывный диалог прошлого с настоящим, что в свою очередь позволяет коллективу передавать информацию через призму индиви-

дуальных переживаний и отношений представителей группы. Само понятие индивидуального в данном процессе отходит на задний план, а память переходит в разряд внешнего социального явления, становясь необходимым связующим звеном для культуры народа, методом сплочения общества. Фуко, напротив, акцентирует внимание на языковой природе дискурса как инструмента управления вниманием, который не просто описывает реальность, но транслирует ее в соответствии с исторически обусловленными правилами. Язык у Фуко — система формирования высказываний, определяющая, что может быть сказано, кем, когда и зачем. И если Хальбвакс видит в языке средство укрепления социальной солидарности, то Фуко раскрывает его роль через манипулятивные процессы, которые осуществляются не только благодаря языку, но и внутри самого лингвистического дискурса.

Само понятие дискурса у Фуко соотносится с хальбваксовским понятием социальной рамки: у них нет четких границ, они пронизывают внешнее социальное пространство, определяя его через себя, задавая ориентиры, ассоциации, за которые в процессе познания цепляется человек. Дискурсы прерывны, их существование в историческом контексте носит разрывный характер, однако они взаимосвязаны: часть одного дискурса может найти свое отражение в другом. С появлением нового дискурса старый рискует подвергнуться попыткам осознания через новые методы исследования и рассмотрения проблем с позиции новых полученных знаний, однако ничего общего со старым дискурсом данный подход иметь не будет. Фуко отмечает, что старый дискурс не нуждается в новом рассмотрении, он самодостаточен, его не интересует новый дискурс, он просто о нем не знает и в нем не нуждается. Можно заметить, что дискурс социально ориентирован; он также является продуктом внешней социальной среды, как и память человека. Память в философии Хальбвакса и дискурс в философской мысли Фуко есть внешнее социальное пространство, ограниченное множеством социальных рамок и в то же время из них состоящее. Природа дискурса социальна благодаря языковым рамкам, которые представляют собой продукт социокультурного развития общества. Дискурс — социальное явление, дискурсивные формации создаются социумом и контролируются им, а дискурсивное поле ограничено социальными рамками, которые задают его границы.

Механизмы влияния дисциплинарной власти

Основываясь на положении о том, что дискурс является социально ориентированным подвижным пространством, Фуко в своем сборнике работ «Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет» замечает, что аппарат власти способен искусственно задавать вектор развития дискурса, равно как и влиять на формирование коллективных представлений о прошлом. В философии Фуко власть соотносится с понятием дисциплины, которое характеризует механизмы влияния властвующих субъектов на формирование определенного отношения человека к тем или иным вещам. Дисциплинарная власть функционирует непрерывно и стремится к контролю над всеми сферами человеческой жизни, а ее основная задача — разделить общество на группы, упорядочив его, свести к минимальному значению, то есть индивиду, которым будет намного проще управлять. Данная практика заключается в том, чтобы в уже созданной системе иерархии задать место для каждого представителя социокультурного пространства, определив его полезность, ведь в данном случае дисциплинарная власть стремится создать полезное пространство. Контроль осуществляется следующим образом: индивиду предоставляется выбор жизненной модели, которая уже сформирована внешним социальным пространством в виде многочисленных дисциплин: школа, колледж, институт, казарма, кафедра и т. д. [11, с. 244]. Каждая из дисциплин формирует вокруг себя социальное поле — микрокосм власти, задающий нормы поведения через систему поощрений и наказаний. Помимо видимого влияния на формирование морально-ценностных ориентиров человека, микрокосмы власти регламентируют время через предложенный, в том числе законодательно установленный, график работы или расписание занятий. Через институты дисциплинарной власти осуществляется нормализация — процесс, при котором социальные нормы становятся внутренними ориентирами личности. Находясь под влиянием дискурсов, дисциплин и внешних социальных рамок, индивид постепенно интериоризирует их, начиная самостоятельно воспроизводить установленные нарративы. Дискурс функционирует в качестве невидимого архитектора социальной реальности, определяя не только доступные варианты выбора, но и сами критерии их оценки. Мысли человека, его идеи и даже память помещаются в дискурс, подвергаясь его воздействию, и что, самое

главное, результат такого рода искусственного включения человека в новое для него дискурсивное поле вполне предсказуем, так как на этапе вхождения в дискурс все последующие действия человека контролируются и определяются механизмами самого дискурса [9, с. 181].

Куда более пагубным воздействием обладают механизмы забвения и фальсификации истории, которые также являются частью контролирующего аппарата дисциплинарной власти. Посредством сознательного умалчивания, сокрытия, изменения фактов осуществляется изменение внешнего социального пространства памяти о прошлом, которое находится в подвижном состоянии. Благодаря постоянной ретрансляции необходимых социальных рамок через средства массовой информации (в том числе посредством различных дискурсов) властвующий субъект способен смещать акцент внимания человеческого сознания на «необходимые» объекты, при этом отвлекая человека от изучения неудобных фактов, которые следует забыть в интересах властвующего субъекта. Такого рода спланированное забвение памяти действительно влияет на формирование кардинально нового отношения обществу к событиям прошлого и будущего в том числе. Когда одни исторические свидетельства признаются значимыми, а другие перестают заслуживать внимания, в результате происходит активное вытеснение альтернативных версий прошлого из коллективного сознания. Помимо видимых механизмов забвения (демонтаж памятников, ограничение доступа к архивам, цензура) существуют стратегии, направленные на видоизменение языковых понятий, как следствие, сути дискурсов. Воздействие в данном случае идет на саму структуру мышления: изменяя язык, власть не просто корректирует описание прошлого, а перестраивает саму возможность его осмысления. Переосмысление исторических событий через подмену понятий изменяет моральную оценку ситуации в настоящем, формируя новую систему отношений к прошлому. Использование смягчающих формулировок для описания трагичных событий ведет к отсутствию эмоционального отклика народа, как следствие, постепенному стиранию трагедии из коллективной памяти. При этом власть не всегда напрямую отрицает прошлое, но лишает его культурных и эмоциональных коннотаций: историческая травма лишается языка для своего выражения, происходит разрыв между памятью коллектива и историей. В долгосрочной перспективе забве-

ние порождает поколенческий разрыв в памяти: потомки воспринимают прошлое через искаженные языковые конвенции, утрачивая способность к сопереживанию и самостоятельной моральной оценке событий прошлого [12, с. 238].

Самый распространенный метод влияния дисциплинарной власти на область индивидуального — запрет, а также разделение, отбрасывание и оппозиция истинного и ложного, которую Фуко обозначает как волю к истине [2, с. 244]. Воля к истине ориентирована на продуцирование лишь той истины, которая в обязательном порядке санкционирована предложенной культурой, в которой свою деятельность осуществляет сам субъект [3, с. 102]. В данном контексте уже сама культура становится социальной рамкой для восприятия реальности индивидом. Воля к истине оказывает своего рода давление на существующие дискурсы в рамках определенной культуры, «принуждая» их транслировать понятия и суждения, необходимые власти. Причем власть — уже не только конкретный субъект, наделенный полномочиями, это цельная обезличенная система, имеющая свои рычаги давления и воспринимаемая индивидом в качестве некоторого ограничителя его воли. Власть занимается исключением плюрализма истины, демонстрируя единую для всех истину, ту, которая признана ею и которая признается обществом. При этом власть существует во всех социальных отношениях, начиная от модели «родитель—ребёнок», «учитель—ученик» и заканчивая моделью «государство—гражданин». Таким образом, дисциплинарная власть создает нормативную систему коллективной памяти, которая служит поддержанию существующих социальных отношений и властных структур. Данный процесс демонстрирует тесную взаимосвязь знания, власти и памяти, где контроль над прошлым становится ключевым инструментом управления настоящим.

Заключение

На основании вышеизложенных положений можно сделать ряд выводов по рассматриваемой теме: социальная философия Хальбвакса становится базисом для последующего развития французского постмодернизма, в частности, в работах Фуко. Тезис о социальной природе человеческих воспоминаний находит свое прямое продолжение

в теории дискурсивных практик. И Хальбвакс, и Фуко называют память социальным явлением, которое впадает в прямую зависимость от внешних социальных факторов. Память по своей природе подвижна и способна видоизменяться под воздействием окружающей среды.

Понятие дискурса у Фуко соотносится с хальбваксовским понятием социальной рамки. Равно как и социальные рамки, дискурс задает границы, обрамляя социокультурное пространство, внутри которого человек осуществляет свою жизнедеятельность. В обеих концепциях язык является первичной формой разграничения и разделения восприятия реальности, задающей вектор развития человеческой мысли. Язык — готовая форма описания реальности, предложенная внешним социальным пространством, априори навязанный метод познания и описания мира. Память зависит от языка, а процесс реконструкции воспоминаний осуществляется посредством устной и письменной речи. У Хальбвакса язык представлен в качестве минимальной рамки памяти, способной напрямую воздействовать на внутреннее мироощущение человека, его восприятие и субъективную оценку происходящего, как следствие, задавать эмоциональный окрас пережитым событиям и ретранслировать их. Язык для него — метод передачи опыта поколений, связь между прошлым и настоящим, направленная на укрепление коллективной идентичности. Для Фуко язык — материя дискурса, контроль над которой осуществляется властью в собственных интересах. Забвение некоторых языковых элементов дискурса ведет к искажению его восприятия, следовательно, активному видоизменению смысла и содержания.

Власть становится единоличным аппаратом влияния на отношение общественности к дискурсам, через которые в том числе осуществляется образование и формирование личности индивида. В зависимости от актуальных политических, экономических, социальных и прочих потребностей аппарата власти систематическое исключение определенных терминов и понятий трансформирует уже устоявшиеся ассоциативные связи, нарушая и видоизменяя их. Память подвергается внешнему воздействию со стороны дисциплинарной власти и функционирует в рамках заданных нарративов.

Список источников

1. Halbwachs M. *La Memoire Collective*. Paris, 1950. 295 p.
2. Ашкерев А. Ю. Проблема взаимоотношений человека и власти в работах Мишеля Фуко // *Вестник РАН*. 2002. № 3. С. 241–244.
3. Беляцкая Е. В. Дискурс и власть в концепции М. Фуко: точки пересечения // *Вестник Полоцкого государственного университета*. Серия Е. 2022. № 13. С. 100–104.
4. Зенкин С. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти*. М. : Новое издательство, 2007. 264 с.
5. Нечаева А. А. Становление Memory Studies как отдельной области знания: основные вопросы и понятия // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки, 2020. № 4 (60). С. 121–129.
6. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М. : ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
7. Сабанчеев Р. Ю. Память как культурно-исторический феномен в работах Мориса Хальбвакса // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2014. № 2. С. 127–132.
8. Савельева Е. Б. О взглядах Мишеля Фуко на теорию дискурса // *Вестник Московской международной академии*. 2015. № 2. С. 93–95.
9. Сокулер З. А. Мишель Фуко // *Культурология*. 2011. № 1 (56). С. 176–184.
10. Фуко М. *Археология знания* / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой ; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб. : Гуманитарная Академия ; Университетская книга, 2004. 416 с. (Серия «Ars Riga. Французская коллекция»).
11. Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет* : пер. с фрц. М. : Касталь, 1996. 448 с.
12. Фуко М. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*. М. : Прогресс, 1977 ; СПб. : A-cad, 1994. 488 с.

References

1. Halbwachs M. *La Memoire Collective*. Paris; 1950. 295 p.
2. Ashkerov AYu. Problema vzaimootnosheniĭ cheloveka i vlasti v rabotakh Mishelya Fuko. *Vestnik RAN*. 2002;(3):241-244. (In Russ.).
3. Belyatskaya EV. Diskurs i vlast' v kontseptsii M. Fuko: tochki peresecheniya. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E*. 2022;(13):100-104. (In Russ.).
4. Zenkin S. Moris Khal'bvaks i sovremennyye gumanitarnyye nauki. In: Khal'bvaks M. *Sotsial'nyye ramki pamyati*. Moscow; 2007. 264 p. (In Russ.).
5. Nechaeva AA. Stanovlenie Memory Studies kak otdel'noĭ oblasti znaniya: osnovnyye voprosy i ponyatiya. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki*. 2020;(60):121-129. (In Russ.).
6. Repina LP. Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki). Moscow; 2003. 44 p. (In Russ.).
7. Sabancheev RYu. Pamyat' kak kul'turno-istoricheskii fenomen v rabotakh Morisa Khal'bvaksa. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoĭ Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2014;(2):127-132.
8. Savel'eva EB. O vzglyadakh Mishelya Fuko na teoriyu diskursa. *Vestnik Moskovskoy mezhdunarodnoĭ akademii*. 2015;(2):93-95. (In Russ.).
9. Sokuler ZA. Mishel' Fuko. *Kul'turologiya*. 2011;(1(56)):176-184.
10. Fuko M. *Arkheologiya znaniya*. St. Petersburg; 2004. 416 p. (Seriya «Ars Riga. Frantsuzskaya kollektsiya»). (In Russ.).
11. Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let*. Moscow; 1996. 448 p. (In Russ.).
12. Fuko M. *Slova i veshchi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. Moscow; 1977 ; St. Petersburg; 1994. 488 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. И. Васильева — аспирант кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук.

Information about the author

E. I. Vasileva — Postgraduate-Student of the Department of History of Philosophy Faculty of Humanities and Social Sciences.

Статья поступила в редакцию 08.09.2025; одобрена после рецензирования 22.10.2025; принята к публикации 30.10.2025.

The article was submitted 08.09.2025; approved after reviewing 22.10.2025; accepted for publication 30.10.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.